

DOI 10.15593/perm.kipf/2017.4.06

УДК 82-1

Н.А. Мусеев

ПОЭЗИЯ И НАСТРОЕНИЕ: СОБЫТИЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена онтогерменевтическому исследованию поэтического высказывания. Напряженный поиск оснований для мысли, характеризующий современную интеллектуальную ситуацию, озаменован критическим движением к бытию. Это движение в целом может рассматриваться как попытка построения новой «метафизики» (первой философии), попытка, апеллирующая не к аксиоматике спекулятивных построений, но обращенная к конкретному опыту существования субъекта. В связи с этим рассмотреть эстетический опыт, в коем бытие непосредственно являет себя как конкретный опыт переживания произведения искусства (поэтического высказывания), весьма актуально. Искусство (в частности, поэзия) в современном дискурсе предстает как особый инструмент постижения реальности (когнитивная практика, практика антропологического постижения мира и т.д.). Целью данной статьи является онтогерменевтический анализ события поэтической речи – речи как опыта бытия (иначе – опыта полноты), открывающегося в эстетическом опыте субъекта. Возможность интерпретации поэтического слова как «медиума» бытия открывается на путях онтологического постижения языка как средоточия мира, поскольку именно в нем (языке) человек становится, конституируется как субъект феноменальной реальности (обретает себя внутри зоны культурной традиции). Рассматриваемое в рамках экзистенциально-феноменологического подхода поэтическое высказывание выступает в качестве особого региона бытия, где само Бытие в своем «отсутствующем присутствии» дается присутствию Dasein. Автор отмечает, что становящееся бытие присутствует в поэтическом высказывании как настроение произведения. Настроение, истолкованное как онтологический феномен («экзистенциал»), представляет собой форму присутствия (в мире), в настроении поэтического произведения мир становится как целое. Автор приходит к выводу, что событие поэтической речи есть встреча присутствия Dasein и настроения произведения, раскрытие истины бытия, данной в модусе переживания полноты (экстаза). Мир, открывающийся в произведении искусства, захватывает реципиента, в этой захваченности миром человек способен открыть его (а тем самым свою) целостность, открыть полноту существования как переживание бесконечности, данной в конечном.

Ключевые слова: искусство, поэзия, эстетическое бытие, настроение, событие, язык, М. Хайдеггер, мир, онтогерменевтика.

N.A. Museev

POETRY AND MOOD: THE EVENT OF POETIC SPEECH

The article covers the problem of onto-hermeneutical research of poetic statement. Intensive search of thought's foundation characterizing modern intellectual situation is marked by critical movement to being. In whole this movement can be considered as the attempt of new "metaphysics" (the first philosophy) construction, the attempt appealing not to axiomatics of speculative constructions but turned to definite experience of the subject's existence. Thereby, it is timely to consider aesthetic experience in which being shows itself as the definite experience of the work of art (poetic statement) feeling. Art (and poetry, particularly) in the modern discourse is the special instrument of reality's understanding (cognitive practice, practice of anthropological understanding of the world, etc.). The aim of this article is to present onto-hermeneutical analysis of poetical speech event – the speech as the experience of being (or the experience of completeness) which is opened in aesthetic experience of the individual. The possibility of interpretation of poetic word as "the medium" of being is opened during the ontological understanding of the language as the centre of the world since just in the language an individual becomes, constitutes as the subject of unique reality (find himself inside the eon of cultural tradition). Considered in the frames of existentially-phenomenological approach poetic statement acts as the special region of being where the Being itself in its "lacking presence" is given to presence Dasein. The author notes that coming being is present in poetic statement as the mood of the work of art. Mood interpreted as ontological phenomenon ("existential") is a form of presence (in the world), the world becomes as a whole in the mood of poetic work. The author concludes that the event of poetic speech is the meeting of presence Dasein and the mood of the work of art, disclosure of the truth of objective reality given in modus of completeness feeling (ecstasy). The world which is opened in the work of art fascinates the recipient and in this passion for the world a man is able to open its integrity (and his own integrity as well), to open the completeness of existence as feeling of eternity given in finiteness

Keywords: arts, poetry, aesthetic being, mood, event, language, M. Heidegger, world, onto-hermeneutics.

Твое забытье в ночь, сегодня,
словом я вернул тебя снова, ты здесь.
Все подлинно и подлинного ждет...

П. Целан

Пристальное внимание к языку (его концептуализация в современной интеллектуальной ситуации) отчетливо характеризует общее направление научных поисков в гуманитарном знании. В рамках движения философии к вещи и сущему, а также к слову (так называемые «онтологический» и «лингвистический» повороты) набрали силу бытийные исследования языка искусства и, в частности поэзии – как особой формы «захвата» реальности, как прикровенного органа бытия, как интонирующего выражения исходной бытийной «воли».

Интерес к поэзии здесь неслучаен. Мысль о «лингвистической» форме существования человека в смысловом континууме культуры, более того, онтологизация самой лингвистической теории указывают на то, что существование человека, культуры и мира опосредовано языком и происходит «внутри» языка. Именно в нем человек открывает для себя многомерность *мира*. «Исследование художественной репрезентации лингвофилософских и семиотических проблем актуально для анализа процессов познания мира» [1, с. 5], именно здесь встречаются онтология, лингвистика и искусство. На приоритетность междисциплинарных исследований, организованных вокруг языковой проблематики, указывают, в частности, Дж.Р. Сёрл [2], Дж. Пассмор [3], Ф. Анкерсмит [4], в отечественной науке – Е.Я. Режабек и А.А. Филатова [5], И.П. Смирнов [6], Н.С. Автономова [7] и др.

Возникновение образов «язык – дом бытия», «язык – система» и др., а также понимание того, что язык не «прозрачен» для наблюдателя, описывающего мир, в целом указывают на принципиальную неисчерпаемость языка как «объекта» исследования (по крайней мере – невозможность его окончательной концептуализации в рамках текущей парадигмы). Однако следует подчеркнуть, что учитывая имеющееся разнообразие подходов и образов, сложившихся в академической науке на данный момент, исследователи сходятся в одном: «он [язык] окружает человека как сплошная среда, вне которой невозможно существование человека как человека» [1, с. 15]. В этой среде астрог реальности встречается с миром, присутствует в нем, осуществляет его истолкование. В этом – средоточие мысли М. Хайдеггера, отмечавшего, что обладание языком тождественно *обладанию миром* [8, с. 195].

В «Феноменологии восприятия» М. Мерло-Понти отмечает: «Подлинная философия в том, чтобы снова научиться видеть мир...» [9, с. 21]. Задача непростая, поскольку с первых же шагов нам встречается уравнение не с одной переменной: «Что это за вещь – мир? Наше положение было бы незавидно, если бы мы не могли без специальных знаний задуматься о том, в чем движемся и существуем» [10, с. 5]. В рамках экзистенциально-феноменологического подхода «подлинное» присутствие в мире осуществляется в событии. Мир, явленный в своей целостности, открывается в регистре *Dasein* – как изначальная целокупность всех «набрасываний» со стороны человеческой заботы. Мир есть пространство феноменального присутствия, место и горизонт всякого существования и понимания [10].

Реальность дается присутствию здесь-бытия как мир, как звучащая тишина изначального покоя, как скольжение в «гипертекстуальном» пространстве молчаливых, «дельных» отсылок к вещам, сущему (дается как одновременная потеря и обретение «себя» в этом скольжении, открывается как «мерцание» между бытием и смыслом, конституирующим нашу «субъективность» [11]). Здесь реальность вещей, впервые открывшихся человеку в своем присутствии через язык, раскрывает интимный бытийный исток.

Опыт мира может быть заключен в языковую конструкцию. Более того, любая попытка *концептуализировать* бытие вынуждает нас обращаться к языку, и в этом смысле язык есть порождающая матрица онтологии и гносеологии [12, с. 32–33]. Однако следует подчеркнуть, что «суть» языка не сводится к его инструментальности, и язык искусства не есть инструмент копирования, «отображения» предметной реальности (фундаментальное переосмысление понятия мимесис установила, в частности, неоплатоническая традиция и эстетика Ренессанса, опыты авангарда, *contemporary art*). Язык искусства, имеющий дело с бытием, не является чем-то внешним по отношению к этому бытию, но суть *способность*, напряжение самого бытия, явленного в своем «присутствующем отсутствии» как весть, как символическая форма, гештальт.

Бытие как бытие, данное в произведении искусства (обнаруженное и «схваченное» конкретными средствами художественного выражения в *образе*), открывается в событии, организованном эстетическим опытом субъекта. Алгоритм эстетической коммуникации можно представить в следующей формуле: эйдос и вещь, форма и материя, встретившиеся на границах различия (*differAnce* [13]), начинают звучать и в своем звучании касаются нас. Данный в своей изначальной, эйдетической чистоте космос художественного произведения входит в пространство нашего присутствия как опыт, раскрывающийся в актах эстетической коммуникации, опыт, позволяющий вещи лучиться смыслами в ее вещности, фактичности. Произведение не способ (не только/не столько способ) передать сообщение X, но «специфический» способ бытия вещей и мира (включающего X в целокупность своего самовоздвижения). Ю.М. Лотман, в частности, отмечал, что план выражения и план содержания в искусстве нерасторжимы [14]. Космос художественного произведения *всегда* веществен, *фактичен*. В этой фактичности произведения зрителю/читателю/слушателю является то, что прежде было сокрыто, невидимо.

Интерес к искусству и литературе яркий маркер современного мышления. «Сложная» поэзия, представленная в таких направлениях, как магический реализм, концептуализм, метареализм и др., привлекает взгляды исследователей бытийной проблематики. Появление работ, посвященных изучению поэтики современных авторов (в русской поэзии, к примеру – А. Драгомощенко, О. Седакова, Г. Айги, Д.А. Пригов и др.), суть расширение опыта философствования как мышления о мире, возвращение языка философии, более того, философии – языку. В сущности, это попытка возвращения к себе – через язык искусства, через мышление об изреченном искусством, ибо мышление – как учит «Софист» Платона – есть беззвучная беседа души с самой собой (263 e) [15, с. 338–339].

Язык развивается, это – непреходящее условие его существования. Выход за пределы дисциплинарного пространства академической науки (с его устоявшимися дискурсивными практиками) осуществляют поэты, обладающие обостренным чувством языка, генерирующие новые смыслы, «взрывающие» привычные семантические связки и пласты клишированных форм: «Всего ближе к существу языка поэты» [16, с. 50], ими движим язык: «Поэзия, как производная от языка, призвана актуализировать спектр его возможностей. Одновременно и язык – производная от работы поэта» [1, с. 4]. Выход за рамки дискурса есть выход к (в) *реальности*, выход к границам, более того, их «снятие» – выход за эти границы.

Онтологизация языка осуществляется в философии «позднего» М. Хайдеггера. Специфика его подхода заключается в погружении онтогерменевтической проблематики в стихию поэтического языка, артикулирующего истину бытия. В.Н. Железняк подчеркивает: «Язык – и в этом состоит главная новация Хайдеггера по сравнению с традиционным пониманием речи – не сводится к словарю и грамматике, язык есть все изреченное в нем» [17, с. 68]. Действительный язык звучит лишь в поэтическом изречении, «вызванные» стихотворцем вещи являются в данное «здесь»,

пребывают в нем – это целостность пребывания вещей и нас среди них и есть феномен присутствия в мире. Поэзия, организуя поэтическое событие, *примиряет* человека с вещами, дает открыться их изначальной тишине, их глубине, и в своей первой близости к нам они указывают на свой исходный бытийный исток, ибо «под личиной вещи скрыта тишина мира» [17, с. 70].

Об изначальной близости философии и поэзии пишет Г.-Г. Гадамер, указывая на историческое родство поэтического и философского взглядов на бытие и мир (взглядов, находящихся в бесконечном напряжении относительно друг друга). Он подчеркивает: «В отличие от обыденной речи, поэтическая речь, равно как и философская... обладает способностью замыкаться на себя и, материализуясь в отвлеченном “тексте”, быть тем не менее высказываемым как бы автономно, “собственной властью”» [18, с. 117]. Это «самовластие» поэтического слова в исследованиях Гадамера возвращает нас к мысли Хайдеггера – поэтически изреченное, слово есть то, что оно как слово из себя представляет. Слово и язык, данные в поэтическом произведении, суть слово и язык в максимальной степени, поскольку силлаботоника стиха организует «стабилизирующие факторы, которые удерживают затихающее и ускользающее слово» [18, с. 120]. Эти «стабилизирующие факторы» удерживают слово-бытие-присутствие в рядах метафорических серий и переносов, организующих внутренний мир произведения, его архитектуру. Удержание энергии слова в нерасторжимом единстве произведения создает ситуацию номинации (называния) вещи, которая вызывается к наличествованию, присутствию в стихотворении *hic et nunc*, здесь и сейчас. И это наличие встраивается в безусловную целостность произведения, становится частью *целого*. Однако следует подчеркнуть, что встреча может не состояться, ситуация может не осуществиться как событие. Искусство не знает гарантий.

Вводя онтологическое различие между обыденной и поэтической речью, Г.-Г. Гадамер указывает на смысловую «неисчерпаемость» поэтического высказывания, образующего автономный универсум. Прояснить ситуацию герметичной замкнутости поэтического высказывания позволяет аналитика его темпоральной структуры. Такая аналитика позволяет усмотреть в поэтическом произведении особый модус времени. В мерцании времен, организованном поэтикой произведения, присутствие обретает полноту и исполненность, здесь *Dasein* способно выйти за пределы посредственного существования в горизонте *das Man* (в его негативном аспекте) в целостность того же *das Man*, но обогащенного событийным переживанием единства присутствия как целого, полноты. Это некий «добавочный», партисипативный эффект, возникающий (способный возникнуть) в акте событийной коммуникации. Двигаясь внутри произведения, замкнутого в самом себе, читатель способен выйти в мир, открывающийся как событие поэтического высказывания.

Артикулированная в поэзии истина бытия звучит в *настроении* присутствия (*Dasein*). Следует подчеркнуть, что «настроение» здесь следует понимать именно в онтологическом ключе (это не «психология» вещи волнует нас, но сама вещь в своей близости к нам). Мир, разверзающийся в произведении искусства, захватывает нас, в этой захваченности миром человек способен открыть его (а тем самым и свою) целостность, человек открывает полноту существования как переживание бесконечности, данной в конечном. «”Целый мир” бывает, когда нас захватывает чувство, одновременно с которым мы чувствуем, что оно не очерчено нашим телом, а относится ко всему» [10, с. 20]. Настроение произведения, объемлющее целиком, звучит и резонирует в нас. Это – музыка присутствия, музыка бытия. В «Тошноте» Ж.-П. Сартр описывает этот опыт: «Голос скользнул и сник. Стальную ленту не берет ничто – ни открывшаяся дверь, ни струя холодного воздуха, обдавшею мои колени, ни приход ветеринара с маленькой дочкой: музыка, насквозь пронзив эти расплывчатые формы, струится дальше... Это кажется неотвратимым – настолько предопределена эта музыка: ничто не может ее прервать, ничто, явившееся

из времени, в которое рухнул мир... Как странно, как трогательно, что эта твердыня так хрупка. Ничто не властно ее прервать, и все может ее разрушить» [19, с. 43]. Следует подчеркнуть, что дать научную дефиницию *настроению* не так-то просто, поскольку в рамках избранной методологической линии – линии экзистенциально-феноменологического усмотрения – эпистемологическая «категоризация» понятий и терминов чужда исследователю, настроение необходимо рассматривать как «экзистенциал», вне субъект-предикативной рамки. «Подлинное, не устроенное, не подавленное настроение – это сам человек... Присутствие, пока оно остается собой, и есть настроение. Настроением человек присутствует» [10, с. 34–37].

Произведение искусства, в частности поэтическое высказывание, есть особый орган средоточия опыта бытия, более того, способ, которым человек присутствует в мире (искусство есть *модель* присутствия – присутствующего через эстетическое отношение). Эстетическая коммуникация, осуществившая свою потенциальную событийность (а не сведенная к рациональному «суждению вкуса»), осуществляется как бытие в мире – не сломанном, не рассчитанном и не поставленном как «отчужденный» объект напротив созерцающего ума, здесь присутствие парит в безмолвии глубокого настроения, оно захвачено целым. Это настроение есть опыт изначального молчания – когда смысл явлен, бытие призвано и даль отступила. Язык этого настроения – молчание, речь – тишина, молчание и тишина, ступающие перед словом, перед всякой возможностью сказывания. В этой тишине приходит мир-бытие – и присутствующий в нем, расслышав тишину, за тишиной открывает мир, согласие вещей быть собой: «Малое расстояние – еще не близость. Большое расстояние – еще не даль» [20, с. 269].

Настроение поэтического произведения удерживается метафорическим строем, поэтикой, стилем. «Стихотворение не отражает мир, оно впускает его в себя, давая ему быть таким, какой он есть, незримый новый отрешенно царящий в покое» [10, с. 97]. Проблема метафоры занимает сегодня почетное место в ряду исследовательских приоритетов различных дисциплин. Об опыте исследовательской концептуализации метафоры в современном дискурсе пишут, в частности, Т.Г. Голушко [21], Н.И. Береснева, В.И. Абраменко [22] и др.

В рамках избранной методологической линии поэтическая метафора предстает как онтологический феномен, как *ситуация*, как система переносов, удерживающих в напряженном пространстве художественного образа само бытие. Поэтическая метафора есть *способ* организации и существования символа – бытия в его отсутствующем присутствии – Бытия представленного, но не потерявшего своей «дельности». Проблематика данного подхода предлагает следующие темы (которые можно обозначить, но невозможно раскрыть в рамках одной небольшой статьи): настроение и символическая структура поэтического текста, проблема поэтики и стиля (Бытие и феноменальный опыт автора), мифо-поэтическая онтогерменевтика и онтологически обращенное понимание мифа и вещи в произведении искусства и др.

Что говорит нам опыт онтогерменевтического исследования поэтического высказывания, в чем выражается его событие? Эйдос вещи и сама вещь, явленная в своей фактичности, сливаются, звучат в произведении, пребывают в *настроении*, «проживают» в прикосновении к изреченному в искусстве. Опыт пере-живания поэзии есть эмпатическое звучание «самости» читателя в унисон настроению поэтического слова, прокладывающему путь вдоль границ «различания». В поэзии (возвращающей подлинность слову, девальвированному обыденностью) реченное в сущем бытие предстает перед нами как *живое становление*, дается в экзистенциальном опыте: поэтическое событие *угадывается*, является через экстатическое звучание присутствия. Событие поэтической речи маркировано экстазом полноты – полноты, открывающейся в близости мира: как Weltschmerz романтиков, как «мира восторг беспре-

дельный...» (А. Блок). «Речь идет о том, чтобы пережить еще не пережитое и открыться языку, открывшему нам свои тайны» [23, с. 25], пишет Г. Башляр. Однако следует подчеркнуть, что нам только предстоит научиться слышать весть («зов») бытия, изреченного в сущем. Нам еще только предстоит стать полноценными участниками *диалога* события поэтической речи; еще только предстоит позволить миру открыться в изначальной целостности события, ибо в узле механистического сопряжения ситуации «целое» всегда ускользает.

Современная интеллектуальная ситуация, характеризующаяся напряженным поиском новых оснований мысли, ознаменована движением к бытию. В сущности, это движение (по строгости своего содержания) может рассматриваться как попытка построения новой (критической) метафизики, попытка, апеллирующая не к аксиоматике спекулятивных построений абстрактных категориальных систем, но обращенная к непосредственному опыту существования (в мире). Этот путь, подобно пути художественных поисков мастеров Кватроченто, лежит через искусство, через особый опыт эстетического бытия в мире.

Список литературы

1. Бразговская Е.Е. Чеслав Милош: язык как персонаж. – М.: Летний сад, 2012. – 176 с.
2. Сёрл Дж.Р. Философия языка. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
3. Пассмор Дж. Современные философы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 192 с.
4. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. – М.: Канон+, 2009. – 496 с.
5. Режабек Е.Я., Филатова А.А. Когнитивная культурология. – СПб.: Алетейя, 2010. – 316 с.
6. Смирнов И. Текстомахия: как литература отзывается на философию. – СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2010. – 208 с.
7. Автономова Н. Познание и перевод. Опыты философии языка. – М.: РОССПЭН, 2008. – 704 с.
8. Хайдеггер М. Путь к языку // М. Хайдеггер. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 259–272.
9. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента, 1999. – 608 с.
10. Биbihин В.В. Мир. – СПб.: Наука, 2007. – 431 с.
11. Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности: Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. – СПб.: Алетейя, 2007. – 736 с.
12. Неретина С., Огурцов А. Пути к универсалиям. – СПб.: Изд-во Рус. христ. гум. акад., 2006. – 1000 с.
13. Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академический проект, 2007. – 495 с.
14. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – 560 с.
15. Платон. Софист // Платон. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 275 – 345.
16. Биbihин В.В. Язык философии. – СПб.: Наука, 2007. – 389 с.
17. Железняк В.Н. Герменевтика поэтического текста М. Хайдеггера // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2013. – № 8 (47). – С. 68–71.
18. Гадамер, Г.-Г. Философия и поэзия // Г.-Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 116–125.
19. Сартр Ж.-П. Тошнота. – М.: АСТ, 2015. – 317 с.
20. Хайдеггер М. Вещь // Историко-философский ежегодник. 1989. – М.: Наука, 1989. – С. 269–284.

21. Галушко Т.Г. Метафизика метафоры и метафора метафизики // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 17–28.

22. Береснева Н.И., Абраменко В.И. Метафора в познавательном процессе и ее роль в философии: изменение подходов // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2017. – Вып. 2. – С. 152–157.

23. Башляр Г. Поэтика пространства. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 352 с.

References

1. Brazgovskaia E.E. Cheslav Milosh: iazyk kak personazh [Czeslaw Milosz: language as a character]. Moscow, Letnii sad, 2012, 176 p.
2. Serl Dzh. R. Filosofiia iazyka [Philosophy of language]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 208 p.
3. Passmore J. Sovremennye filosofi [Modern philosophers]. Moscow, Ideia-Press, 2002, 192 p.
4. Ankersmit F. Istorii i tropologii: vzlet i padenie metafory [History and tropology: the rise and fall of the metaphor]. Moscow, Kanon+, 2009, 496 p.
5. Rezhabek E.Ya., Filatova A.A. Kognitivnaia kul'turologiia [Cognitive culturology]. Saint Petersburg, Aleteiia, 2010, 316 p.
6. Smirnov I. Tekstomakhii: kak literatura otzyvaetsia na filosofiiu [Textmagic: how literature responds to philosophy]. Saint Petersburg, Izdatel'skii dom «Petropolis», 2010, 208p.
7. Avtonomova N. Poznanie i perevod. Opyty filosofii iazyka [Cognition and translation. Experiences of the philosophy of language]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 2008, 704 p.
8. Heidegger M. Put' k iazyku [The way to language]. *Vremia i bytie*. Moscow, Respublika, 1993, pp. 259-272.
9. Merleau-Ponty M. Fenomenologiia vospriiatiia [Phenomenology of perception]. Saint Petersburg, Iuventa, 1999, 608 p.
10. Bibikhin V.V. Mir [Peace]. Saint Petersburg, Nauka, 2007, 431 p.
11. Komarov S.V. Metafizika i fenomenologiia sub"ektivnosti: Istoricheskie prolegomeny k fundamental'noi ontologii soznaniia [Metaphysics and phenomenology of subjectivity: historical prolegomena to the fundamental ontology of consciousness]. Saint Petersburg, Aleteiia, 2007, 736 p.
12. Neretina S., Ogurtsov A. Puti k universaliiam [Ways to universals]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2006, 1000 p.
13. Derrida Zh. Pis'mo i razlichie [Writing and Difference]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2007, 495 p.
14. Lotman Iu. M. Lektsii po struktural'noi poetike [Lectures on structural poetics]. *Lotman i tartusko-moskovskaia semioticheskaia shkola*. Moscow, Gnozis, 1994, 560 p.
15. Platon. Sofist [Sophist]. *Sobranie sochinenii v 4 tomakh*. Moscow, Mycl', 1993, vol. 2, pp. 275-345.
16. Bibikhin V.V. Iazyk filosofii [The language of philosophy]. Saint Petersburg, Nauka, 2007, 389 p.
17. Zhelezniak V.N. Germenevtika poeticheskogo teksta M. Khaideggera [Hermeneutics of poetical text of M. Heidegger]. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2013, no. 8(47), pp. 68–71.
18. Gadamer, G.-G. Filosofiia i poeziia [Philosophy and poetry]. *Aktual'nost' prekrasnogo*. Moscow, Iskusstvo, 1991, pp. 116-125.
19. Sartr Zh.-P. Toshnota [Toshnota]. Moscow, AST, 2015, 317 p.
20. Heidegger M. Veshch' [The Thing]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik*. Moscow, Nauka, 1989, pp. 269-284.
21. Galushko T.G. Metafizika metafory i metafora metafiziki [Metaphor metaphysics and metaphysics metaphor]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*, no. 7, vol. 7, 2014, pp. 17-28.
22. Beresneva N.I., Abramenco V.I. Metafora v poznavatel'nom protsesse i ee rol' v filosofii: izmenenie podkhodov [Metaphor in the cognitive process and its role in philosophy: changing of approaches]. *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology*, 2017, iss. 2, pp. 152-157. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-2-152-157
23. Bashliar G. Poetika prostranstva [Poetics of space]. Moscow, Ad Marginem Press, 2014, 352 p.

Получено: 16.10.2017

Принято к печати: 30.10.2017